

Происшествие в НИИ-3

1. «ИНЖЕНЕРЫ-ЗАГОВОРЩИКИ»

В НАЧАЛЕ ноября 1937 года в Реактивном научно-исследовательском институте (РНИИ или НИИ-3) случилось чрезвычайное происшествие: органы НКВД арестовали Ивана Терентьевича Клейменова — директора этого учреждения. Спустя некоторое время последовали аресты и других сотрудников НИИ-3, в частности молодых инженеров В. П. Глушко и С. П. Королева, в последующем известнейших ученых, академиков. Для коллег, а тем более родственников это было столь неожиданно, что они не знали, к кому обратиться за разъяснениями и помощью. В материалах по делу «инженеров-заговорщиков» сохранилось множество писем, заявлений, жалоб в различные инстанции, вплоть до самых высоких. Не может не обратить на себя внимание хотя бы такой документ:

**«ТЕЛЕГРАММА
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ СВЯЗИ СССР
22 июля 1938 г.**

[Из] Москвы. Вручить старшему.

Москва. Кремль. Сталину.

Дополнительно [к] моему письму 15 июля сего года [по] делу [моего] сына Королева Сергея Павловича, работавшего [в] институте номер три НКОП¹, арестованного органами НКВД [в] Москве 27 июня сего года. Убедительно прошу срочно ознакомиться [с] письмом. Сын мой, недавно раненый, с сотрясением мозга, [при] исполнении служебных обязанностей, находится [в] условиях заключения, каковые смертельно отразятся на его здоровье. Умоляю [ради] спасения единственного сына, молодого талантливого специалиста, инженера-ракетчика и летчика, принять неотложные меры [для] расследования дела. Мать Королева, Мария Баланина. Москва, Октябрьская, 38, квартира 236б.

Мать С. П. Королева обращалась и в Прокуратуру СССР:

«Прокурору СССР по спецделам
от Баланиной Марии Николаевны
[по первому браку Королевой]

Заявление

Мой сын, Королев Сергей Павлович, был осужден Военной коллегией Верховного суда СССР 27.IX.1938 г. к 10 годам лишения свободы по ст. 58 п.п. 7 и 11 и 17/8.

13 июня 1939 года приговор был отменен с передачей дела на новое рассмотрение со стадии предварительного следст-

вия и сын мой был возвращен в Москву с Колымы.

Моему сыну 33 года. Инженер-конструктор авиааппаратов, летчик, организатор исключительной по своему значению отрасли авиации — ракетных полетов в стратосфере, работал в НИИ №3 в Москве.

Из беседы с зам[естителем] Главного воен[ного] прокурора тов. Афанасьевым, а затем с зам[естителем] Глав[ного] прокурора по спецделам тов. Осипенко мне стало ясно, что новое подробное расследование [экспертиза] исключило возможность обвинения моего сына в к[онтр]р[еволюционном] вредительстве.

19 июня с[его] г[ода] тов. Осипенко мне заявил, что следствие закончено и «о судьбе сына я узнаю из его письма».

...В дальнейшем разговоре выяснилось, что после того, как отпало обвинение в к[онтр]р[еволюционном] вредительстве, моего сына обвиняют якобы «в плохом окружении — знакомстве с гл[авным] инженером Лангемаком».

Мне непонятно, как можно обвинять сына за знакомство с Лангемаком, которого он узнал на работе и не мог предполагать о его к[онтр]р[еволюционных] взглядах.

Если можно обвинять за плохое окружение, то нельзя же не учесть, что, даже после осуждения сына, такие люди, как Герои Советского Союза — Гризодубова и Громов, сочли возможным дать письменный отзыв и помочь мне в реабилитации сына и отмене приговора.

По этим основаниям я прошу, поскольку целиком и полностью отпало обвинение в к[онтр]р[еволюционном] вредительстве и сыну предьявляется новое обвинение в каком-то знакомстве с инж[енером] Лангемаком, дать ему возможность доказать свою невиновность при рассмотрении дела в судебном порядке, либо проверить дополнительным следствием окружение сына и допросить тех из его сослуживцев, которые были не только его знакомые по службе, но и близкие товарищи и которых я могу в случае необходимости назвать.

Считаю нужным добавить, что мой сын находится в заключении уже два года и прошло свыше года с момента отмены приговора Пленумом Верх[овного] суда СССР.

Мать Королева С. П.

[Баланина М. Н.]

22.VI [19] 40 г.»

А вот какого рода отписки получали убитые горем просители за «заговорщи-

¹ Народный комиссариат оборонной промышленности.

ков», о судьбе которых им было мало что известно:

«7.1—[19] 40 г.

Москва, Донская, дом 42, кв. 22.

гр[ажданке] ГЛУШКО М.

Сообщите, где, когда, на какой срок и кем осужден Ваш сын.

Без этих сведений проверить Вашу жалобу не представляется возможным.

ПРОКУРОР ОТДЕЛА ПО СПЕЦДЕЛАМ
[Руденко]

Так что же послужило поводом для арестов в НИИ-3? На основании какой информации правоохранительные органы обвинили инженеров-конструкторов во вредительстве и антисоветской деятельности?

При изучении архивных материалов был выявлен такой документ:

«СПРАВКА

3-м отделом ГУГБ² НКВД вскрыта в системе Наркомвнешторга антисоветская троцкистская шпионско-вредительская организация, участники которой занимались вредительством, финансировали троцкистско-заграничный центр, были связаны с германской разведкой и фашистскими организациями...

По показаниям арестованных участников троцкистской организации Розенгольца... и других, был назван в числе участников этой организации и КЛЕЙМЕНОВ Иван Терентьевич, директор научно-исследовательского реактивного института Наркомтяжпрома, ранее работавший в Берлинском торгпредстве.

10 января 1938 года Военная коллегия Верховного суда СССР, рассмотрев дело по обвинению И. Т. Клейменова в «содеянных им преступлениях», приговорила его к высшей мере наказания — к расстрелу. В приговоре Военной коллегии указывалось, что Клейменов с 1930 года являлся активным участником антисоветской диверсионно-террористической организации, по заданию которой проводил подрывную деятельность в Берлинском советском торгпредстве: враждебно настроенный к Советской власти, он закупал для отечественной военной промышленности негодное военное имущество, тем самым ослабляя и подрывая обороноспособность страны. Далее указывалось, что не прекращал Клейменов вредительскую деятельность и в последующем, находясь на посту директора РНИИ. Он якобы проводил вербовку новых членов, в том числе и среди сотрудников института, в антисоветскую организацию и занимался шпионской деятельностью в пользу германской разведки, которой передавал секретные материалы о состоянии авиационной промышленности СССР.

Одним из тех, кто обличал Ивана Терентьевича во вредительстве и шпионаже, был его прежний сослуживец по торгпредству Мордех Аронович Рубинчик, впоследствии, как и Клейменов, расстрелянный. Сохранился протокол его допроса от 14 ноября 1937 года, состоявшегося спустя две недели после ареста И. Т. Клейменова. Вот что показал Рубинчик:

«Всех участников организации я не знаю... По совместной нелегальной работе

я был связан со следующими членами организации, работавшими в советской организации в Германии:

1. БЕЛЫГОВ Владимир Петрович, работавший в последнее время в качестве управляющего трестом «Техниткань».

2. КЛЕЙМЕНОВ Иван Терентьевич — директор научно-исследовательского реактивного института Наркомтяжпрома».

На предварительном следствии, а точнее первом допросе, который был устроен только через 43 дня после ареста, Клейменов «признал себя виновным», т. е. подтвердил, что являлся участником антисоветской организации, существовавшей в Берлинском торгпредстве. В отношении институтских «заговорщиков» он показал, что, работая в НИИ-3, установил контрреволюционную связь со своим заместителем Лангемаком, от которого ему стало известно об участии в антисоветской организации Глушко, Королева, Победоносцева и Шварца. Но в суде Клейменов отказался от показаний на предварительном следствии, назвав их вынужденными и вымышленными, виновным себя в предъявленных ему обвинениях не признал. Только спустя почти двадцать лет это признание нашло официальное подтверждение. В определении Военной коллегии Верховного суда СССР от 11 июня 1955 года указывалось:

«...В заключении Главного военного прокурора предлагается приговор в отношении Клейменова отменить и дело на него за отсутствием состава преступления прекратить, а также вынести частное определение в отношении бывшего следственного работника Луховицкого, допустившего необъективное расследование по делу Клейменова».

«Необъективность» следователя заключалась в том, что постановление об избрании меры пресечения в отношении обвиняемого он составил, когда прошел уже месяц после ареста, да и то не получив санкции на арест у прокурора, а первый допрос произвел еще позже — спустя полтора месяца. Причем не столько предъявлял обвинения, сколько принуждал допрашиваемого два дня подряд (15 и 16 декабря 1937 г.) подписать вымышленные показания. Доказательством может служить следующий документ:

«Секретарю Московского городского комитета КПСС

22 декабря 1955 г.

тов. ФУРЦЕВОЙ Е. А.

В ходе пересмотра дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, Главной военной прокуратурой установлено, что бывший начальник 7-го отделения 9-го отдела 1-го управления НКВД СССР ЛУХОВИЦКИЙ Соломон Эммануилович при ведении следствия в 1937—1939 гг. грубо нарушил законность: избивал арестованных, лишал их отдыха и пищи и применял другие запрещенные законом методы ведения следствия, добываясь таким путем вымышленных показаний о проводившейся якобы или контрреволюционной деятельности.

Луховицкий фальсифицировал протоколы допросов и другие материалы, на ос-

² Главное управление государственной безопасности.

нования которых судебные инстанции выносили обвинительные приговоры, подвывая ни в чем не повинных советских граждан наказанию.

Так, ЛУХОВИЦКИМ были сфабрикованы дела в отношении... бывшего директора реактивного института в гор. Москве, члена КПСС с 1919 года КЛЕЙМЕНОВА И. Т...»

Указать на несостоятельность показаний Клейменова были вынуждены заместитель начальника секретариата Особого совещания старший лейтенант госбезопасности Боровков и оперуполномоченный того же органа младший лейтенант Кавлагин. В заключении по следственному делу В. П. Глушко, составленном в июле (точная дата не указана) 1939 года, они отметили, что «показания КЛЕЙМЕНОВА неконкретны и из них не видно, от кого ему известно об участии ГЛУШКО в организации, но ввиду того, что КЛЕЙМЕНОВ и другие³ осуждены, перепроверять их показания невозможно».

Руководствуясь этими и другими сохранившимися в следственных делах фактами, нетрудно предположить такую версию. Арестованный по показаниям (добытым известными методами) бывших сотрудников торгпредства и подвергаемый физическому и моральному давлению, Клейменов сознается не только в преступной деятельности, «совершаемой им в Берлине», но и дает показания о якобы существующей контрреволюционной организации в НИИ-3. Между тем в тот же день (вернее, ту же ночь), а именно 2 ноября 1937 года, одновременно с Клейменовым арестовали и его заместителя Лангемака.

«...К моменту ареста Клейменова, — отмечалось в справке, подготовленной военным прокурором отдела Главной военной прокуратуры майором юстиции Кожурой, — никаких материалов о проводившейся якобы им контрреволюционной деятельности в органах безопасности не было.

Тем не менее через две недели после ареста Клейменова следствием были получены показания ранее арестованного Рубинчика и Лангемака о том, что Клейменов является участником контрреволюционной организации».

2. СТОИТ ЛИ ВОРОШИТЬ ПРОШЛОЕ!

КОГДА иные задают подобный вопрос, они, по-видимому, забывают, что доброе имя, талант, судьба человеческая — это тоже достояние народа и, пожалуй, самое главное достояние. Его следует беречь от злого и дурного нрава, бережно защищать... В нашей же истории, рассказывающей о чрезвычайном происшествии в НИИ-3, главное народное достояние оказалось незащищенным: добрые имена обесчещены, таланты упрятаны за колючую проволоку и отторгнуты от живого дела, человеческие судьбы исковерканы. Имена некоторых из них до сих пор у всех на устах: одни их хулят, другие ими восторгаются.

Один из таких людей — бывший сотрудник (сначала рядовой, затем руководи-

³ Видимо, имеется в виду и Лангемак, Последний, как и Клейменов, расстрелян.

тель) РНИИ генерал-майор Андрей Григорьевич Костиков. Во время войны и в послевоенные годы его имя было очень популярным. «Бьют «катюши» фашиста немецкого, нет назад ему троп и мостиков... Сто спаси от народа советского за «катюши», что создал ты, Костиков» — такие строки в честь известного конструктора сочинил Константин Алтайский. Он же посвятил ему и другое стихотворение, — «На могиле Андрея Костикова» (А. Г. Костиков умер в 1950 г.). Варьируя найденную уже однажды рифму «мостиков — Костиков», поэт снова упорно напоминает читателям: Андрей Григорьевич — создатель гвардейского миномета. А в июле 1941 года в связи с присвоением А. Г. Костикову звания Героя Социалистического Труда «Правда» писала, что якобы он является не только организатором разработки реактивного снаряда и реактивной установки, но и инициатором их создания. В 23-м томе Большой Советской Энциклопедии (БСЭ — 2-е изд. — 1953. — С. 126) в заметке об ученом-конструкторе генерал-майоре инженерно-авиационной службы сказано несколько скромнее: «[Костикову] принадлежит большая заслуга в создании нового типа вооружения...»

В последующем издании БСЭ это имя уже не упоминалось, но на газетных полосах оно появлялось еще долго. Так, 24 декабря 1983 года в «Московской правде» можно было прочитать: «Конец 1938-го... Время тревожное, предвоенное. В Италии, Германии, Испании поднял голову фашизм. Доблестный труд советских людей стал основой экономического могущества страны, труд и оборона для нас — понятия неразрывные. И поэтому среди первых Героев Социалистического Труда были названы известные конструкторы... Создатель реактивного оружия А. Г. Костиков».

Впрочем, упрекнуть эту газету можно только за ошибку в хронологии, а в незаслуженном приписывании авторства изобретения Андрею Григорьевичу, видимо, нельзя. Ведь если официально установлено, что какое-либо авторство в чем-то сомнительно или право на него кем-то окончательно утрачено, то об этом необходимо всенародно объявлять, документально обосновывая приводимые доводы. В данном случае этого не произошло.

Взять те же энциклопедические справочники, хотя бы Советскую Военную Энциклопедию, вышедшую в восьми томах в конце 70-х годов. Здесь нашлось место даже двум Лжедмитриям, ну а о том человеке, кого долгое время считали создателем «катюши», нет ни строчки. Официальные справочники молчали, а в народе (за исключением узкого круга лиц) А. Г. Костиков по-прежнему считался национальным героем и его продолжали, уже посмертно, славить. К примеру, газета «Известия» в воскресном номере за 31 марта 1985 года в очерке, посвященном 40-летию Победы, упоминает о нем как об одном из создателей «катюши». Ну а газета Краснознаменного Киевского воен-

ного округа «Ленинское знамя» в том же году (14 июля) подробно рассказала, как конструировались и испытывались гвардейские минометы под руководством того же инженера. Здесь также давалась однозначная оценка и назывался прежний адрес изобретения: «В июле 1941 года за выдающиеся заслуги в деле изобретения и конструирования вооружения А. Г. Костикову было присвоено звание Героя Социалистического Труда».

Вот и получилось, что официальная точка зрения, причем, откровенно говоря, тайная — одна, а общепринятая — совершенно иная. И естественно, что исчезновение когда-то известной фамилии со страниц популярного издания ничего другого, кроме недоумения и протеста, у людей непосвященных, неинформированных вызвать не могло. Сумятицу в мысли внесло и появление новых фамилий, в обилии появившихся на страницах той же Большой Советской Энциклопедии после «изытия» Костикова. Так, в 11-м томе этого труда (БСЭ. — 3-е изд. — 1973. — С. 539) перечислены такие фамилии: Н. И. Тихомиров, В. А. Артемьев, Б. С. Петропавловский, Г. Э. Лангемак, Е. С. Петров, И. Т. Клейменов, Ю. А. Победоносцев, Л. Э. Шварц, И. И. Гвай, В. Н. Галковский, А. П. Павленко, А. С. Попов. Все они, как утверждается здесь, занимались кто разработкой, кто испытанием, а кто окончательной доводкой для практического использования реактивных снарядов. Но среди них нет А. Г. Костикова. Справедливо ли это?

3. КОНСТРУКТОР-МОНОПОЛИСТ

В АРХИВНЫХ материалах имеется важное и несколько разъясняющее существо затронутого вопроса сообщение о **Постановлении Государственного Комитета Обороны [ГКО] от 18 февраля 1944 года**. В нем отмечается, что генерал-майор Андрей Григорьевич Костиков снят с должности директора Государственного института реактивной техники за невыполнение особо важного задания по проектированию и строительству реактивного самолета - перехватчика. Заключение государственной комиссии, возглавляемой заместителем наркома авиационной промышленности А. С. Яковлевым, а также техническая экспертиза, проведенная видными специалистами, позволили сделать вывод, что обещанный Костиковым срок создания реактивного самолета (истребителя-перехватчика) являлся необоснованным и нереальным. Приводится и ссылка на объяснение самого Костикова по этому поводу. Он якобы признался, что данное им поспешное обещание вызвано «желанием прибавить себе славы, завоевать в стране положение конструктора-монополиста в области ракетной техники».

Что ж, мотив не нов! Скольких талантливых и талантливых людей погубило жгучее стремление к власти и славе! Недобрую службу, видимо, послужило оно и для Андрея Григорьевича, возможно, и не лишеного способностей инженера.

Именно в тот злополучный для Костикова 1944 год выяснилось, что его авторство в создании «катюши» не совсем правомерно. Подчеркиваем, в 1944 году, а не в послевоенное время, как ныне утверждают некоторые защитники этого авторства, и установлено это было членами экспертной комиссии, а не академиками С. П. Королевым и В. П. Глушко, приобретенными, по утверждению тех же защитников, исключительный авторитет после 1957 года. Приведем выдержки из указанного документа:

«ОТВЕТЫ ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ДЕЛУ КОСТИКОВА А. Г. ОТ 19 АПРЕЛЯ 1944 ГОДА».

Состав экспертизы комиссии.

Председатель, Чесалов Александр Васильевич, заслуженный деятель науки и техники, профессор, кандидат технических наук, начальник летно-технического института...

Члены: Христианович Сергей Алексеевич, академик, начальник лаборатории № 2 ЦАГИ⁴;

Ушаков Константин Андреевич, заслуженный деятель науки и техники, профессор, доктор технических наук, начальник отдела № 3, лаборатории № 1 ЦАГИ;

Левин Лев Михайлович, заместитель начальника отдела вооружения лаборатории № 2 ЦАГИ...

ВОПРОС четвертый:

являются ли КОСТИКОВ, ГВАЙ И АБОРЕНКОВ автoрами М-8, М-13 и пусковых устройств к ним?⁵

ОТВЕТ: Костиков, Гвай и Аборенков не могут считаться автoрами М-8, М-13 и пусковых устройств к ним.

Снаряд М-8 отличается незначительными видоизменениями от снаряда РС-82, разработанного в НИИ-3 в период 1934—1937 гг.

Снаряд М-13 является развитием снаряда РС-132, разработанного в НИИ-3 в 1937—1938 гг.

К разработке снарядов РС-82 и РС-132, представлявших собой оригинальную конструкцию, Костиков, Гвай и Аборенков никакого отношения не имели.

О рациональности установки пусковых устройств РС на легкие боевые машины, в частности на автомашины, указано, например, в книге «Ракеты, их устройство и применение» [ЛАНГЕМАК Г. Э. и ГЛУШКО В. П. ОНТИ, 1935 год, с. 119].

Таким образом, идея создания машинной установки для ведения массированного огня реактивными снарядами не может быть приписана Костикову, Гваю и Аборенкову...

Подписали: Чесалов, Христианович, Ушаков, Левин».

Убедительным документом, на наш взгляд, причем появившимся не после

⁴ Центральный аэрогидродинамический институт.

⁵ В середине 30-х годов были созданы два образца ракетных пороховых снарядов: осколочный РС-82 (82-мм) и осколочно-фугасный РС-132 (132-мм). В 1939 г. прошла испытание многозарядная пусковая установка, названная впоследствии в ходе дальнейшего совершенствования БМ-8 (для 82-мм снарядов) и БМ-13 (для 132-мм снарядов).

смерти Кости́кова, а при его жизни, является протокол допроса Федора Николаевича Пойды (свидетеля), подписанный следователем по важнейшим делам Прокуратуры СССР Бурлаевым 26 февраля 1944 года. Вот что показал Пойда:

«... Кости́ков, будучи инженером, над снарядами вопросами не работал. Он работал над кислородным двигателем, но двигатель этот практического осуществления не получил.

В 1937 году [в конце...] был арестован гл[авный] инженер реактивного института Лангемак и Кости́ков был назначен на должность, которую занимал до него Лангемак.

Не обладая необходимыми техническими познаниями, во всяком случае в реактивных снарядах, Кости́ков работал плохо. Перед началом Отечественной войны стал вопрос об удалении его с должности главного инженера института.

...Вопрос о снятии Кости́кова с работы был оформлен... Но тут неожиданно узнали, что Кости́кову за М-13 было присвоено звание Героя Труда.

Трудно представить, чтобы сам Кости́ков не понимал, что такая высокая оценка его работы является выражением не столько его личной заслуги, сколько заслуг коллектива института. Кости́ков во всяком случае знал, что к М-13 он имеет очень малое отношение, никогда не работал по снарядам.

Как было доложено в Правительство, что Кости́ков был связан с «катюшей» [так в народе называют М-13], я не знаю. Слышал только, что докладывали Кости́ков и Аборенков и расхваливали друг друга...»

В материалах немало свидетельств, подтверждающих, что созданию машинной установки М-13 предшествовали многолетние экспериментальные работы по изобретению отечественных снарядов, которые проводились в институте реактивной техники. Несомненно, в бытность А. Г. Кости́кова главным инженером, а затем и директором института изобретение продолжало совершаться и именно при нем было окончательно доработано и стало применяться в боевой обстановке. Так что полностью отвергать причастность Кости́кова к внедрению нового оружия тоже неправильно. Но заслуга его в разработке «катюши» довольно-таки минимальна, а «передача» ему идеи создания реактивного миномета — акт совсем несправедливый. Тем не менее плод коллективного труда, т. е. реактивные снаряды, получившие условное наименование М-8 и М-13, постепенно стали связывать только с именем руководителя института.

Тогда же конструктор И. И. Гвай, инженеры А. П. Павленко и А. С. Попов разработали машинную установку (идея, как уже сообщалось, принадлежала работникам этого же института Г. Э. Лангемаку и В. П. Глушко, к тому времени репрессированным) с поперечным расположением на автомашине направляющих планок для

производства одновременного залпа 24 снарядами. В дальнейшем по предложению инженера В. Н. Галковского, которое одобрил и главный инженер А. Г. Кости́ков, поперечные направляющие заменили на продольные, удлинив их, чем достигалась устойчивость боевой машины при стрельбе и более высокая кучность огня.

В 1939 году после удачных полигонных испытаний, каким-то образом отодвинув основных участников доработки, испытаний и внедрения нового оружия, Кости́ков и Гвай сделали заявку на признание их авторами изобретения. Когда же к ним изъявил желание присоединиться и заместитель начальника Главного артиллерийского управления Наркомата обороны (НКО) Аборенков, они не посмели отказаться. Аборенков был не только влиятельным лицом, но, возможно, обладал и немалой пробивной силой. Не исключено, что именно после его настоятельных ходатайств Отдел изобретений НКО признал всех троих изобретателями машинной установки М-13 и выдал им авторские свидетельства.

Когда и при каких обстоятельствах был обнаружен обман, мы уже рассказали. Но для Кости́кова, более года пробывшего под следствием и освобожденного на том основании, что в его действиях «не установлено враждебного умысла», это неприятное длительное разбирательство не послужило должным уроком. Пользуясь тем, что факт раскрытия подлога не был обнаружен, он до самой смерти продолжал называть себя отцом «катюши». Так, в автобиографии, написанной Андреем Григорьевичем 25 июля 1950 года (именно в этом году он ушел из жизни), вопреки справедливым выводам, сделанным за шесть лет до этого, снова утверждалось: «За изобретение, разработку и конструирование ракетного оружия [1938—1940 гг.] и дальнейшее его усовершенствование, после использования его на фронте Великой Отечественной войны, в июле 1941 г. мне присвоено звание Героя Социалистического Труда, а в 1942 г. звание лауреата Сталинской премии I степени. Членом-корреспондентом АН СССР избран в 1943 г.».

4. ТОПЯТ В ЛОЖКЕ ЯДА

В ЭТОЙ главе нам хотелось бы рассказать о мытарствах арестованного сотрудника Ракетного института С. П. Королева, а также о той борьбе, которую он вел против обрушившихся на него обвинений. Иногда ему, как и другим людям, попавшим в такую же беду, приходилось отступать, поддаваться на уловки и угрозы незаконного следствия, но в конце концов сила духа и вера в справедливость побеждали.

Впрочем, предоставим слово будущему Главному конструктору отечественных космических кораблей. В своем письме в высокую инстанцию, которое приводится ниже, он подробно сообщает о том, что ему довелось пережить и как он оценивает случившееся с ним.

г. Москва. ЦК ВКП(б). Иосифу Виссарионовичу Сталину.
Заявление. Королева, Сергея Павловича

Советские самолеты должны иметь решающее превосходство над любым возможным противником по своим летно-тактическим качествам. Главнейшие из них — скорость, скороподъемность и высота полета. Сейчас, в авиации повсеместно создано положение, при котором, самолеты нападения почти не уступают по качеству самолетам истребительным и другим средствам обороны. Это дает возможность нападения воздушному противнику на большинство объектов внутри страны. Это подтверждает опыт последних войн. Только решающее превосходство в воздухе по скорости, скороподъемности и высоте полета может быть надежным средством защиты. Это условие необходимо для успеха наступательных действий авиации и в настоящее время зачастую предопределяет успешный исход всей кампании в целом. Обычная винтомоторная авиация в силу самого принципа своего действия уже не сможет дать нужного превосходства самолетам обороны над иже подобными самолетами нападения. В этом отношении обычная авиация стоит почти у своего предела и все ее средства, как то: наддув, винт переменного шага, парогазовый двигатель или турбины и др. — все это полумеры, а не выход из создавшегося кризиса.

Выход только один — ракетные самолеты, идея которых была предложена К. Э. Циолковским. Только ракетные самолеты могут дать преимущество над лучшими винтомоторными самолетами, а именно: по скорости полета в 1,5 — 2 раза и более; по скороподъемности в 8—10 раз и более; по высоте полета в 1,5 раза и более; а также по своей неуязвимости, мощности поднимаемого вооружения и т. д. Для ракетных самолетов область огромных скоростей полета и высот есть не препятствие в работе а фактор благоприятный в силу самого принципа действия ракет и в отличие от винтомоторных самолетов, областью которых являются относительно малые скорости и высоты полета. Значение ракетных самолетов, особенно сейчас, исключительно и огромно. За рубежом уже 15—20 лет во всех крупных странах интенсивно

ведутся работы над ракетным вооружением, а в основном над созданием ракетного самолета, чего, однако, до 1938 г. достигнуто с успехом нигде не было [в Германии — Оберт, Зенгер, Тиллинг, Оппель и др.; во Франции — Руа, Бреге, Девильер и др.; [в] Италии — Кронко, Катанео и др.; в США — Годдард и т. д.]. В Советском Союзе работы над ракетами-самолетами производились мною практически с 1935 года в НИИ № 3 [бывшего] НКВД. Аналогичных работ никем и нигде в СССР не велось. До момента моего ареста [27 июня 1938 г.] за 3,5 года работы были осуществлены несколько типов небольших ракет (до 150 кг весом), разных моделей и агрегатов и произведены сотни их испытаний в лаборатории, на стендах и в полете. Был разработан ряд вопросов методики и теории ракетного полета и издан в печати и пр. Впервые в технике в 1938 г. с успехом были произведены основные испытания небольшого ракетного самолета [весом 700 кг]. Испытания его в полете были с успехом окончены в апреле 1940 г., что я узнал из акта технической экспертизы. Из сказанного видно, что несмотря на очень малый срок моей работы над проблемой ракетного полета и ее общеизвестную огромную трудность, сложность, новизну, особую [верх]секретность и отсюда полное отсутствие литературы, зарубежного опыта, консультаций и пр. — несмотря на все это, кое-что было сделано, правильное начало было положено.

Целью и мечтою моей жизни было создание впервые для СССР столь мощного оружия, как ракетные самолеты. Повторяю: значение этих работ исключительно и огромно.

Однако все эти годы я лично и мои работы подвергались систематической и ожесточенной травле, всячески задерживались и т. п. ныне арестованным руководством НИИ-3 — Клейменовым, Лангемаком⁶ и группой лиц: Костилов [сейчас зам[еститель] дирек[тора] НИИ-3], Душкин и др. Они по году задерживали мои производственные заказы [212], увольняли моих сотрудников или их вынуждали к уходу [Волков, Власов, Дрягзов и др.], распускали обо мне слухи и клевету на партсобраниях [Костилов], исключили меня без при-

⁶ Королев не знал, что в то время Клейменов и Лангемак уже были расстреляны, но ему было известно; они давали против него показания.

чины и вины из сочувствующих ВКП[б], публично вывели из Совета ОСО⁷ и многое другое. Обстановка была просто невыносимой, о чем я писал, например 19 апреля 1938 г.⁸ в Октябрьский райком ВКП[б]. Они же ввели в заблуждение органы НКВД и 27 июня [19]38 г. я был арестован. Клейменов, Лангемак и Глушко дали клеветнические показания о моей якобы принадлежности к антисоветской организации. Это гнусная ложь, и это видно хотя бы из следующего: конкретных фактов нет, да и не может быть; Клейменов и Лангемак взаимно сбываются на то, что якобы один слышал от другого при этом в разное время и т. п. Выдаваемые ими за факты вредительства с моей стороны, сдача заказа на ракеты в авиатехникум в [19]34 г. (тетрадь), задержка в объекте 217 и высотной ракете даже сами по себе, если разобраться, никак не м[огли] б[ыть] истолкованы как вредительство. Кроме того, сдачу заказа в авиатехникум, как легко проверить, я не производил и не мог производить, ее дали Щетинков и Стеняев. Над высотной ракетой я вообще не работал, а объект 217 по своему объему ничтожно мал, да и был выполнен досрочно. Костиков, Душкин и др. никогда не видели в действии объекты моих работ и не знали даже как следует их устройства, но они представили в [19]38 г. в НКВД лживый «акт», порочащий мою работу и безграмотно искажающий действительность.

В 1938 г. следователи Шестаков и Быков подвергли меня физическим репрессиям и издевательствам, добиваясь от меня «признаний». Военная коллегия, не разбирая сколь-либо серьезно моего дела [о]судила меня на 10 лет тюрьмы, и я был отправлен на Колыму. В частности, на суде меня обвиняли в разрушении ракетного самолета, чего никогда не было и который эксплуатируется и сейчас — в 1940 г. Но все мои заявления о невинности и по существу обвинений оказались безрезультатными. Сейчас я понимаю, что клеветавшие на меня лица старались с вредительской целью сорвать мои работы над ракетными самолетами. Уже более года как отменен приговор и 28.V с. г. окончено повторное следствие, причем моими показаниями и повторной экспертизой от 25.V.[19]40 г. опровергнуты обвинения и клеветнические показания на меня. Но повторное следствие не встало на путь объективного разбора моего дела, а наоборот, всячески его замазывает и прикрывает юридическими крючками, а именно: в экспертизе остаются неясные и неправильные места, опороченные эксперты Душкин, Дедов, Калянова используются снова как свидетели [что незаконно], мне не представлено дачи объяснений по их показаниям или очных ставок и пр. Свидетели с моей сто-

роны не допрошены, я не допрошен подробно по показаниям арестованных и пр. И наконец, мне снова предъявлено обвинение по ст. 58 пп. 7, 11, что явно неправомерно и нелепо. Третий год скитаюсь я по тюрьмам от Москвы до бухты Нагаева⁹ и обратно, но все еще не вижу конца. Все еще меня топят буквально в ложке воды¹⁰, зачем-то стараются представить вредителем и пр. Я все еще оторван от моих работ, которые, как я теперь увидел при повторном следствии, отстают от уровня 1938 года. Это недопустимо, а мое личное положение так отвратительно и ужасно, что вынужден просить у Вас заступничества и помощи. Я прошу назначить новое объективное следствие по моему делу. Я могу доказать мою невинность и хочу продолжить работу над ракетными самолетами для обороны СССР.

13 июля 1940 г.
С. КОРОЛЕВ¹¹.

В этом письме, которое приходится полнотью и без исправлений, сразу же бросается в глаза такая деталь. Хотя адресат известен (И. В. Сталин), но С. П. Королев вроде бы к нему и не обращается. Он его никак не называет. Иные в подобной обстановке величали вождя и дорогим, и великим, и отцом родным или хотя бы товарищ Сталин. Сергей Павлович избегает всякого обращения. Сталин для него лицо, с благословения или молчаливого согласия которого с ним, молодым талантливым инженером, способным создать для страны новое мощное оружие, поступают несправедливо и подло. Он презирает обидчиков, в том числе и того, к которому вынужден обратиться, чтобы «просить... заступничества и помощи». Да, только этот человек может отменить несправедливый приговор не ради него, пока еще беззастенчивого инженера Королева, но ради укрепления обороноспособности страны. Просьба у Сергея Павловича звучит как укор, как требование, как вызов... Ему, естественно, подобного тона не простили. И какую чудовищную несправедливость влечет это непощение! Человек, который, по сути дела, сам себя обрек на добровольное заключение, отказавшись от многих радостей жизни ради осуществления заветной мечты о создании невиданного еще в мире самолета, объявляется врагом народа, отлучается от любимой и крайне необходимой стране в то время работы.

Полковник юстиции
Н. Л. АНИСИМОВ,
капитан 1 ранга
В. Г. ОППОКОВ

⁹ В Тауйской губе Охотского моря. На берегу бухты Нагаева расположен Магадан.

¹⁰ На наш взгляд, в ложке яда, клеветы и лжи.

¹¹ На полях сделана приписка: «(Это заявление по счету второе. Первое, более подробное (тетрадь) на Ваше имя, в ЦК ВКП(б) было мною подано [начальнику Новочеркасской тюрьмы НКВД 13 февраля 1939 года, в г. Новочеркасске].»

⁷ Судя по другим письмам С. П. Королева, он так обозначает Оссовиахим.

⁸ К тому времени Клейменов и Лангемак были репрессированы, и в письме в райком Королев предъявлял претензии к другим руководителям института.

Происшествие в НИИ-3*

В ПИСЬМЕ Сергея Павловича Королева встречается далеко не лестное суждение об Андрее Григорьевиче Костикове. Видимо, автор письма имел на то основания. Ведь выражал он свое мнение в очень ответственный для себя момент, когда каждое его неправильное или неискреннее слово могло обернуться против него же: заключенный безвестный инженер обращался к главе правительства, вождю партии и народа. При этом ссылался на выступления Костинова на партийных собраниях, несомненно, фиксируемые в протоколах, что нетрудно тогда было проверить. В то же время вполне объяснимы и моменты недостойного по отношению друг к другу поведения Клейменова, Лангемака, Глушко и Королева. Оказавшись после ареста под внезапным, оглушившим ум и душу тяжелым обвинением во вредительстве и антисоветизме, постоянно терпя издевательств и пытки, они то подтверждали подсовываемые им следователями оговоры друг друга, то отказывались от ранее данных показаний. Но как понять того же, скажем, Костинова, способного, образованного инженера (у нас нет оснований называть его псевдоинженером, псевдоконструктором и псевдоученым, что иногда встречается в других печатных органах), человека, окончившего училище связи и военно-воздушную академию, который, понимая истинную цену и перспективность работы коллег, высказывал им публично свое недоверие?

А может, Андрей Григорьевич действительно увидел в некоторых из своих сотрудников врагов и постарался их разоблачить?.. Не станем гадать, эмоции здесь неуместны. Существуют факты, которые наталкивают на мысль, что Костиков не всегда был искренен, оценивая работы своих талантливых коллег, т. е. попросту порой завидовал им. Отсюда публичные необоснованные и необдуманые обвинения.

Как уже сообщалось, Костинов работал над кислородным двигателем, не получившим практического осуществления. Вместе с тем имеются показания арестованного Лангемака, утверждавшего, что над этим проектом работал Глушко. Но вот что показал по этому поводу сам Глушко на допросе (уже в качестве свидетеля) 5 мая 1955 года. Отвечая на вопрос военного прокурора Главной военной прокуратуры майора юстиции Расторгуева о правильности фактов, содержащихся в архивно-следственном деле Г. Э. Лангемака, В. П. Глушко заметил: «Не соответствуют действи-

тельности показания Лангемака и в отношении меня. Я никогда не занимался разработкой кислородных двигателей, а работал всегда над азотными двигателями, так что эти показания Лангемака были, видимо, вынужденными. Он, конечно, прекрасно знал, чем я занимался, и перепутать он никак не мог. Он у нас был научным руководителем института в целом... Эти двигатели были государственной комиссией приняты и в период окончания Отечественной войны нашли применение на 4 типах самолетов авиации. Отчет по государственными испытаниям этих двигателей был утвержден лично тов. Сталиным. В период Великой Отечественной войны эти двигатели находились в серийном производстве».

Теперь, по истечении стольких лет, когда основных свидетелей нет в живых, трудно объяснить, почему следствие вынудило арестованного Лангемака дать якобы ложные показания о том, что Глушко занимался зашедшей в то время в тупик темой Костинова, тогда как в действительности сам он добился успеха, решая иную проблему...

Обращает на себя внимание и тот факт, что Королев, по его словам, длительное время трудился над созданием реактивного самолета, подобного которому в то время в мире еще никто не построил, а в Советском Союзе никто, кроме Королева, и не думал строить. Но только тогда, когда один инженер, автор блестящей идеи, годами в одиночку занимающийся расчетами и проектами, чтобы претворить ее в жизнь, оказывается в заключении, другой дает обещание создать новый реактивный самолет.

Заставляет задуматься также и другое. А. Г. Костиков — специалист по связи, политехник, а после окончания Военно-воздушной академии еще и инженер-механик ВВС (эти сведения почерпнуты из его автобиографии) — вдруг становится изобретателем реактивного артиллерийского оружия. Причем инженер-конструктор, от которого зависел успех этой работы, уже осужден.

Получается странное совпадение. Три талантливых ученых (Лангемак, Глушко, Королев) называются врагами народа и репрессированы, а четвертый спустя некоторое время включается в дальнейшую разработку важнейших проектов, над которыми раньше плодотворно работали осужденные. Что ж, возможно, это все-таки случайность!..

* Окончание. См.: Военно-исторический журнал. — 1989. — № 10.

Прокурору Союза ССР *Тавловская*
 Коросева Сергей Тавловича
 Зав. шифр. отд. 1-й секции ВКВС
 К. В. Зоден ВКВС - Бульварная р. 15
 К. 156

Гр. Поеда: вызывает меня для личных
 бесед с председателем коллегии прокуроров
 и в связи с делом Поеда и в связи с
 делом с. м. м. П. Костиков.

Я, как отец, могу выразить протест
 против невинности в пред. судьи
 дела обвиняемых и, м. б. Костиков
 по делу, в. б. не оправданы в этот момент
 в тюрьме. Во всех письмах все время
 заявляю на Ваше имя, делала
 (Мать)

Как бы там ни было, но в тех ложках яда, которые оказались у следователей, долгое время пытались топить невинных людей, чьи знания и опыт были столь необходимы стране.

На определенные размышления наводят выдержки из писем матери В. П. Глушко лично И. В. Сталину и в Прокуратуру СССР (соответственно март 1938 г. и январь 1940 г.):

«Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович! — так начинается первое из них. — Позвольте обратить Ваше внимание еще на один вид вредительства, проводимого в отношении молодого специалиста, беспредельно преданного Советской власти. Мой сын Валентин Петрович Глушко, рождения 1908 года, будучи студентом последнего курса Ленинградского государственного института, сделал представление своего изобретения, которое комиссия приняла и признала предложением оборонного значения. С того же времени мой сын зачислен на государственную службу в научно-исследовательский институт НКОП¹ в Москве. Имеет несколько томов научных трудов [два издания, а остальные засекречены]. Работая в означенном институте, сын нажил себе врагов в лице заместителя директора института гр[ажданина] Костикова, которому удалось вооружить против сына директора Слонибера и еще кое-кого. Они состряпали материал против сына, на основании которого мой сын 23/4 и был арестован по ордеру № 1607. За месяц до своего ареста сыном было подано заявление... о том, что против него ведется травля, что ему не дают работать, но почему-то до сего времени расследование произведено не было...»

И второе письмо:

«Прокуратура Союза Советских Социалистических Республик.
 Прокурору отдела по спецделам т. Руденко.
 [от] Глушко Марты Семеновны...
 Сын мой Валентин Петрович Глушко

осужден 15 августа 1939 г[ода] особой сессией НКВД на 8 лет. Работает он под Москвой. В ноябре месяце я имела с ним свидание. Он спрашивал меня, не знаю ли я, за что он осужден, так как его не вызывали и ничего не спрашивали, ему лишь объявили приговор заочного суда...

Правосудие введено в заблуждение его врагами, в подчинении коих он находился на службе. Это Поеда² и Костикиков...

За м[есяц] до ареста они исключили его из секции инженеров и профсоюза...»

5. БИОГРАФИИ В ПИСЬМАХ И ЗАЯВЛЕНИЯХ

Частое цитирование различных документов, в том числе писем и заявлений безвинно арестованных и их родственников, преследует две цели: во-первых, таким образом изложению придается больше достоверности и убедительности; во-вторых, каждая подробность, любая деталь, извлеченные из того или иного письменного источника, являются примечательным штрихом, дополняющим портреты участников истории, вехами в их биографиях и судьбах. Взять те же письма матери Валентина Петровича Глушко. «Мой сын из крестьян, — сообщает она в уже известном письме И. В. Сталину. — Дедушка Леонтий, отец Петр Глушко родились на хуторе... Черниговской губернии Кролевецкого уезда Алтыновской волости. Дедушка батрак, а отец работает по найму с 12-летнего возраста в торговых предприятиях...» Насколько важна эта деталь при оценке объективности предъявляемых в ту пору обвинений ее сыну, можно судить, прочитав выдержку из постановления на возбуждение ходатайства о продлении срока предварительного следствия по делу В. П. Глушко.

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ. г. Москва, 1939 года, января 28 дня, я, следователь Следственной части НКВД СССР, младший лейтенант государственной безопасности ПИЛЮГИН, рассмотрел материал следственного дела № 18102 по обвинению гражданина Глушко Валентина Петровича, 1908 года рождения, сына б[ывшего] помещика, б[ывшего] инженера научно-исследовательского института № 3 НКОП...»

Если крестьянский сын по мановению следовательской руки превращался в сына помещика и автоматически потенциального врага, то не так трудно понять, каким образом подобные ему жертвы клеветы и наговора становились на бумаге террористами, ярыми антисоветчиками.

А вот еще некоторые детали из писем Марты Семеновны.

Из письма прокурору Руденко (13 января 1940 г.):

«Мой сын работал 8 лет старшим инженером в научно-исследовательском институте № 3 НКОП. Товарищ Орджоникидзе работой сына очень интересовался, ограждал сына от преследований его врагов-

¹ Народный комиссариат оборонной промышленности.

² Так в документе. Правильно — Пойда.

завистников тем, что лабораторию сына вы- делил в самостоятельную лабораторию³.

После смерти Орджоникидзе сын опять попал в подчинение своих врагов. Но с этого момента Поеда⁴ и Костикив буквально преследовали его...»

Из второго письма:⁵

«Дорогой т. Сталин!

Ваше великое и бесконечно дорогое учение о живом человеке побудило меня после годичного терпения, мытарств и бесконечных количеств переживаний, невзирая на ту колоссально большую государственную работу, которую Вы ведете на благо всего человечества, тем не менее беспокоить Вас лично и просить Вас оказать соответствующую помощь...»

Далее Марта Сергеевна приводит множество примеров унижений, которым она подвергается, жалуется на то, что ее лишают крова.

«Мой отец, — продолжает она свое скорбное послание, — бывший машинист Ю[го-]З[ападной] Ж[елезной] Д[ороги], детей было 12 душ, причем два брата были еще студентами повешены царским правительством за участие в революционном движении, сестра моя курсистка была сослана в Сибирь, где и погибла, мне лично полковник... жандармского Одесского управления два зуба выбил, и тем отдела- лась.

Вот и исходя из такого рода воспомина- ний проклятого прошлого я лично и вос- питала своего сына в духе любви и пре- данности социалистическому государству.

Знаю только одно, что покойник т. Орджоникидзе его знал, лично много сыну по- могал, относился к нему, как к сыну, и всегда говорил: «Знай, Валя, что наш Ста- лин всегда говорит, что если мы ближе к цели, тем больше вызываем бешенство на- ших врагов».

Известно мне еще и то, что его труды имели большое оборонное значение, в си- лу чего его обязали все его процессы ра- боты докладывать такому прохвосту, каким оказался Тухачевский.

Мой сын уже год и два месяца как аре- стован, суда до сих пор не было, и мне это непонятно, так как просто юристы без помощи лиц соответствующей ученой ква- лификации разобраться не в состоянии.

Дорогой т. Сталин! В данном случае по этому вопросу я к Вам обращаюсь и про- шу Вас не как мать, а как деловой чело- век, сугубо заинтересованный в оборонной способности нашей родины, Вашего опера-

тивного вмешательства в это дело, так как враги народа крепко приложили ру- ку к этому делу, поставив себе задачей во что бы то ни стало помешать закончить изобретение.

Таким образом, естественно, как совет- ская мать, переживаю этот большой для меня удар, я в довершение всего выбрасы- ваюсь прямо на улицу. Должна отметить, что большую часть квартиры взяли, я оста- лась в маленькой комнатушке, и теперь меня домоуправление выбрасывает бук- вально на улицу, как, между прочим, да- же на основании юридических законов, до окончательного решения суда над моим сыном это, казалось бы, не имели права делать, тем не менее, когда я весь этот вопрос разъяснила товарищу Швецову... и сказала, что же мне делать, повеситься или в реку Москву броситься, другого ис- хода нет, он мне ответил: «Делайте, что хотите, меня не касается».

Вот поэтому, видя такую бесчеловеч- ность, забронированную столь ярким бю- рократизмом, [вынуждена] искать помощи и защиты у Вас, товарищ Сталин».

Не желал смириться с жестокой неспра- ведливостью, а главное — с невозмож- ностью работать С. П. Королев. Его пере- писка (заявления и жалобы), хотя о пере- писке трудно говорить, поскольку все, что исходило от Сергея Павловича, чаще оста- валось без ответа, тоже содержит немало автобиографических и других сведений, касающихся драматических событий в Ре- активном институте.

Приводим некоторые выдержки из этих документов.

«Москва, Прокурору СССР гр[ажданину]

Панкратову.

[от] Королева Сергея Павловича, 1906 г[ода] рожд[ения], осужденного Особым Совещанием на 8 лет лаг[ерея]. Решением Особого Совещания НКВД от 10 июля с[его] г[ода] я приговорен к 8 го- дам заключения в лагеря за «вредитель- скую троцкистскую деятельность».

Прошу Вас задержать исполнение ре-

Москва, в Тбилизи во вторник прокурору РККА.
гр. Вененко, прокурору надлежалому за делом

Заявление. Королева, Сергей Павл.
Лобина

Прошу Вас выдать мне год
личной свободы по ряду вопросов
мало дела, но как-то не-
хотимо вышешайского проку-
ратуры.

02.06.40г. Королев

Зингер, Игорь
НКВД, комната 137.

³ не знала простодушная и доверчивая Марта Сергеевна, что Берия и его приспеш- ники жестоко преследуют всех, кто был бли- зок к Серго Орджоникидзе, не ведала, что своим признанием подставляет сына под еще больший удар.

⁴ Так в документе.

⁵ Под письмом не сохранились ни подпись, ни дата (оторваны). Но содержание письма и почерк дают основание утверждать, что его автор — М. С. Глушко. Проставленные на нем штампы свидетельствуют, что в приемную Н. В. Сталина оно поступило 3 апреля, в Прокуратуру СССР — 27 апреля 1939 г., а в секретариат ЦК ВКП(б) — 3 ноября 1941 г.

шения Особого Сопещения, само решение отменить, а дело мое снова передать на объективное расследование, т[ак] к[ак] я никогда и нигде не занимался вредительством, равно как и какой-либо антисоветской троцкистской деятельностью, в силу чего подобный приговор совершенно неправилен и глубоко несправедлив.

Более того, в настоящее время я вынужден очень и очень просить Вас уже лично и непосредственно вмешаться в мое дело, не ограничиваясь ни обычным запросом, ни докладом из вторых рук, т[ак] к[ак] я ясно вижу [и этому есть документальные и технические данные и живые свидетели], что имеет место следующее:

1. Исключительно важное и существенно необходимое для СССР оборонное дело — создание ракетных самолетов, резко превосходящих по своим летно-техническим данным лучшие винтомоторные современные образцы, — это дело замалчивается, презрительно игнорируется, ведется недопустимо медленно и плохо. Несмотря на всю вопиющую недопустимость такого положения, вот уже третий год как все мои заявления не только безрезультатны, но я не знаю даже их судьбы. Работы над ракетными самолетами в СССР были впервые организованы и велись мною. Аналогичных работ более не велось нигде. Но арестованные враги народа подлой клеветой ввели в заблуждение НКВД, в результате чего я был в 1938 г[оду] арестован и тогда же осужден Военн[ой] колл[егией] на 10 лет тюрьмы; гнусное поведение, ложь со стороны нескольких карьеристов, использовавших свое служебное и партийное положение, это все усугубляет.

2. Работа была для меня целью всей моей жизни, и я еще и еще раз заявляю, что она была полезной для СССР. Я мог создать впервые для СССР мощные ракетные самолеты, но вот уже 3-й год, как меня... пытаются изобразить вредителем, троцкистом, всячески уменьшают значение моих работ...

3. На следствии [19]38 г[ода] меня подвергли репрессиям, добиваясь «признания» моей вины, хотя я ни в чем не виноват и хотя было ясно, что мой арест принесет лишь вред большому и нужному делу и есть результат лжи, клеветы, обмана. Но суд, не разбираясь в деле, осудил меня...

4. При повторном следствии устанавливается несостоятельность и просто ложность моих обвинений...

Я горячо еще и еще раз прошу Вас лично вмешаться в мое дело, уделить его рассмотрению хоть несколько минут, а по всем вопросам, которые требуют выяснения, прошу предоставить возможность дать показания, допросить свидетелей с моей стороны — проф[ессора] Пышкова, проф[ессора] Юрьева, инж[енера] Дрягзова, а также экспертов Щетинкова и Кисенко, дать мне очные ставки и пр.

Я могу доказать мою полную невиновность и прошу дать мне эту возможность. Я глубоко подавлен несправедливым и несправедливым решением Особого Сопещения, зачеркивающим всю мою жизнь и работу. Я уже писал Вам заявления 10 июня с[его] г[ода] из внутр[енней] тюрь-

мы и 5 июля из Бутырской тюрьмы, а также прокурору гр[ажданину] Осипенко 2 июня сего года из внутр[енней] тюрьмы и просил Вашего вмешательства, чтобы объективно выяснить истину.

Ниже кратко повторяю существо дела: Я авиационный инженер и летчик. Ряд лет работал в авиационной промышленности. Осуществил ряд своих оригинальных конструкций планеров и самолетов. С 1931 года заинтересовался ракетной проблемой и был организатором этого дела в Москве, где в 1933 году при моем участии пускается первая жидкая ракета. Тогда же впервые в СССР я сдал работу над крылатыми ракетами и самолетом для полета человека. Одна из новых книг о полете на ракетах написана мною в [19]34 году, а также ряд статей, сделан ряд докладов и пр. С 1935 г[ода] я без посторонней помощи практически веду работы, испытываю ряд ракет, делаю сотни опытов и пусков. Летом 1938 г[ода] я испытываю первый ракетный самолет, осуществленный по моему проекту мною же, и закончивший испытания с успехом уже без меня в [19]40 г., как указывает экспертиза...

Я молодой беспартийный специалист и я честно работал над своим делом, не жалея своей жизни, был дважды ранен на работе и я не заслуживаю столь тяжелых обвинений.

Прошу Вас отменить решение Особ[ого] Сопещ[ания] и мое дело заново пересмотреть.

23 июля [19]40 г[ода] С. Королев. «Прокурору Союза ССР. Только лично [от] Королева Сергея Павловича, осужденного Особым Сопещанием НКВД к 8 годам [исправительных] Т[рудовых] Лаг[ерей], Бутырская тюрьма, кам[ера] 66.

Прошу Вас вызвать меня для личных переговоров с представителем прокуратуры по всем важным вопросам, связанным с моим делом

Я нахожусь под стражей третий год, будучи невиновным в предъявляемых мне обвинениях, м[ожет] б[ыть], хотя бы поэтому Вы не откажете в этой моей просьбе. До сих пор все мои заявления на Ваше имя оставались без ответа...

13.09. [19]40 г[ода].

С. Королев. НЕ СМИРИЛСЯ С ЧЕРНЫМ ПЯТНОМ В БИОГРАФИИ ОН И ПОЗЖЕ.

«В Главную военную прокуратуру СССР г. Москва, ул. Кирова, № 41.

[от] Королева Сергея Павловича, проживающего в г. Калининград[е], Московской области...

7 июня 1938 года я был арестован органами НКВД по обвинению в участии в антисоветской организации. Я обвинялся во вредительстве в области новой техники, в которой я в то время работал. Основанием для этого послужили, как мне было сказано на следствии, показания б[ывших] работников НИИ: И. Т. Клейменова, Г. Э. Лангемака и В. П. Глушко. Осенью того же года я был осужден Военной коллегией Верховного суда к тюремному заключению сроком на 10 лет.

В 1939—[19]40 гг. этот приговор был отменен и заочным решением Особое Со-

вещание при НКВД СССР 10 июля 1940 г[ода] по ст[атьям] 17-58-7, 11 У[головного] К[одекса] осудило меня к 8 годам лишения свободы.

После этого я работал, будучи заключенным, конструктором в К[онструкторском] Б[юро] авиазавода, на производстве главным конструктором объекта по новой технике в системе 4-го спецотдела НКВД.

10 августа 1944 года по решению Президиума Верховного Совета СССР я был досрочно освобожден со снятием судимости...

В то время я был заместителем Главного конструктора ОКБ завода № 16 МАП⁶.

В сентябре 1945 года я был командирован в Советскую зону Германии для изучения новой техники. В августе 1946 года я был назначен Главным конструктором НИИ Министерства вооружения [ныне МОП]⁷. Здесь я работаю и в настоящее время.

Прошу Главную военную прокуратуру пересмотреть мое дело и полностью меня реабилитировать, так как я в никакой антисоветской организации никогда не состоял и ничего о существовании такой организации не знал и не подозревал.

Никаких действий антисоветского характера за И. Т. Клейменовым, Г. Э. Лангемаком и В. П. Глушко я не замечал и не знал.

Если существовали какие-то показания этих или иных лиц, то все это есть результат вымысла с их стороны или какого-то огромного недоразумения. Во время следствия по моему делу я ничего не мог доказать и объяснить, так как следствие в то время велось в совершенно недопустимой форме и обстановке. Вернее было бы сказать, что никакого следствия по существу дела и предъявляемых обвинений в то время не производилось.

Меня обвинили во вредительстве в области новой техники, где я работал в то время.

Более неправдоподобного и нелепого обвинения трудно себе представить, так как работа в области новой техники была для меня целью всей жизни и любимым делом. Еще в 1929 году я познакомился с К. Э. Циолковским. С тех пор я посвятил свою жизнь этой новой области науки и техники, имеющей огромное значение для нашей Родины.

Мне пришлось участвовать в самых первых в СССР работах в этой области, а затем в 1938 году после моего ареста все было прервано на несколько лет и лишь с 1943 года я снова мог немного работать по специальности. Нельзя не отметить с удовлетворением, что [в] последние 10—12 лет ходом всего развития отечественной, а также мировой техники и промышленности были полностью подтверждены все положительные основы, которые были заложены более 20 лет назад в СССР в этой области.

В июле 1953 года партийная организация нашего предприятия приняла меня членом Коммунистической партии Советского Союза. С октября 1953 года я состою членом-корреспондентом Академии наук СССР в области техники, по отделению технических наук.

Еще раз прошу Главную военную прокуратуру пересмотреть мое дело и снять с меня пятно осуждения.

30 мая 1955 г[ода].
С. КОРОЛЕВ».

6. КТО ИЗОБРЕЛ «КАТЮШУ»!

Как уже отмечалось, к идее создания, делу конструирования и боевого внедрения легендарного гвардейского миномета и снарядов к нему в настоящее время «приписаны» многие фамилии. Мы не ставили целью восстановить во всех деталях фактическую или надуманную причастность каждого из называемых в энциклопедической справочной и мемуарной литературе инженеров-ученых. Хотим лишь на основе документов, которыми мы располагали, определить главное лицо или группу лиц, долго, настойчиво и плодотворно занимавшихся этими проблемами.

Вообще-то, следуя фактам, содержащимся в делах инженеров-«заговорщиков» из НИИ-3, различным показаниям, а также логике, причастность некоторых из лиц, фамилии которых называются, можно признать условной с немалой степенью достоверности. Скажем, Н. И. Тихомиров, Б. С. Петропавловский, И. Т. Клейменов, в разные годы возглавлявшие научные лаборатории и учреждения, в которых разрабатывались вопросы ракетной техники, конечно же, сделали определенный вклад в решение научно-технических вопросов, хотя бы даже по линии организационного и материального обеспечения. А если учесть, что все они были не только администраторами, но и инженерами, конструкторами, учеными, то весомость этого вклада еще больше возрастает.

Правда, не все сотрудники того же РНИИ одинаково оценивали вклад руководства в общее дело. Для примера приведем выдержки из протоколов допроса трех свидетелей, характеризующих деятельность директора Реактивного института в 30-е годы — И. Т. Клейменова.

Протокол допроса В. П. Глушко 5 мая 1955 года:

«ВОПРОС: вам предъявляется обзорная справка от 25 апреля 1955 г[ода] по арх[ивно]-сл[едственному] делу Лангемака. Прошу ознакомиться с ней и дать показания, что вам известно о деятельности НИИ-3 и лично Клейменова?»

ОТВЕТ: примерно в 1928 г[оду] в Ленинграде была создана газодинамическая лаборатория. Она была создана для реактивной тематики. Я в эту лабораторию пришел работать в 1929 г[оду]. Нач[альником] лаборатории был Петропавловский. В конце 1932 г[ода] или в начале 1933 г[ода] в связи со смертью Петропавловского нач[альником] лаборатории был назначен Клейменов. Он до этого, как

⁶ Министерство авиационной промышленности.

⁷ Министерство оборонной промышленности.

мне позже стало известно, работал в Берлинском торгпредстве. К приходу в лабораторию Клейменова в ней было три отделения: одно отделение возглавлял я, второе — Лангемак и третье — Дудаков.

Нужно отметить, что до прихода Клейменова лаборатория была очень бедной организацией, средств нам отпущалось очень мало. Своих мастерских, если не считать небольшого помещения с одним станком, на полигоне не было. Реактивное дело тогда еще только начинало развиваться и большой поддержки со стороны правительства не имело, дело было совершенно новым. Так что наше существование, существование нашей лаборатории зависело от того, насколько мы продвинем вперед реактивное дело.

Такая же инициативная группа, ютившаяся в подвальном помещении, существовала при Осоавиахиме в Москве. В числе руководящей группы, вернее, даже начальником этой группы реактивного движения при Осоавиахиме был Королев.

Когда к нам на должность начальника Ленинградской газодинамической лаборатории прибыл Клейменов, он в нашу работу внес новую, как говорится, струю. Кроме того, что он был инженером и понимал дело, он еще имел хорошие организаторские способности⁸. Сразу же он добился выделения для нашей лаборатории помещения и мастерской, а также увеличения средств на конструкторскую работу. Глубокой осенью 1933 г[ода] по его инициативе правительством было издано постановление о создании на базе нашей лаборатории и группы изучения реактивного движения в Москве Реактивного научно-исследовательского института. Клейменов был назначен нач[альником] этого института. К концу 1933 г[ода] наша лаборатория из Ленинграда полностью переехала в Москву, где объединилась с группой Королева. Для института были выделены хорошие здания. Я хочу подчеркнуть, что благодаря инициативе Клейменова научно-исследовательская работа в области реактивного дела была поставлена на хорошую производственную основу и у нас собственно организация стала настоящей».

Несколько совпадает с оценкой В. П. Глушко мнение Ю. А. Победоносцева. 12 мая 1955 года на допросе он показал:

«С Клейменовым И. Т. я впервые познакомился в 1932 или 1933 году в Ленинграде, когда он был нач[альником] газодинамической лаборатории. После этого примерно в 1933 году был создан в Москве Реактивный институт. Начальником этого института был назначен Клейменов. С 1933 г[ода] до дня ареста Клейменова я работал с ним вместе в Реактивном институте. Он окончил академию им[ени] Жуковского. По специальности был инженер-авиационник. Как начальник института он непосредственно вопросам изобретения и технического усовершенствования не занимался, а осуществлял только общее руководство всей деятельностью ин-

ститута и организаторскую работу. Как организатор и руководитель Клейменов показал себя с положительной стороны...»

Совершенно противоположный отзыв дает С. П. Королев при допросе его (как свидетеля) 16 мая 1955 года:

«...Клейменова я знал по совместной работе примерно с 1934 года до дня его ареста. Первоначально месяца 3 я был у него заместителем, потом мы с ним не сработались и я изъявил желание возглавлять один из конструкторских отделов.

Клейменова я могу характеризовать так: он любил пожить, глубоко в дела института не вникал, особенными организаторскими способностями не отличался. Самолюбив. Ничего другого отрицательного я за ним не замечал.

...Мне в Клейменове не нравились личные качества, — барство, пренебрежение к людям... Мне... казалось, что Клейменова за его барство и пренебрежение к людям никто не любил, поэтому о каких-то близких взаимоотношениях его с работниками института я ничего не замечал».

В числе участников создания «катуши» называют Ю. А. Победоносцева. Но он сам, отвечая на вопрос, «кто был автором этого оружия», полностью отрицает свою причастность. «Автором реактивных снарядов «катуша», — объяснял Юрий Александрович, — был целый коллектив инженеров: начиная от Артемьева, Лангемака, Петропавловского, Шварца и др[угих]. Они разработали сами снаряд...» Если учесть его скромность и то, что он мог себя отнести к числу тех, кого обозначил словом «других», то уж даже самый скромный человек не сказал бы, что разработали снаряд не «мы», а «они». Точно так же говорил и упоминаемый в энциклопедических справочниках и в показаниях того же Ю. А. Победоносцева В. А. Артемьев. Когда в феврале 1944 года зашла речь об истинных создателях «катуши», в частности, при выяснении вопроса о вращающихся системах, В. А. Артемьев сказал: «Они настаивали потому, что они считались авторами этого дела...» Снова не «Мы», а «ОНИ». Человек сам признавал свою непричастность к «этому делу». Впрочем, приведем более подробный документ, из которого только что извлечена эта фраза. Вот он:

«ВЫПИСКА
управление кадров ЦК ВКП(б).

Совещание
о работе научно-исследовательского
института-3 при СНК СССР

19 февраля 1944 года.

АРТЕМЬЕВ:... и вот первый год был приглашен работающий в то время у профессора ФИЛИППОВА ЛАНГЕМАК. Он в качестве подсобного работника работал для помощи во всякого рода вычислениях.

БУДНИКОВ: у профессора ФИЛИППОВА он кем работал?

АРТЕМЬЕВ: он был слушателем артиллерийской академии, он выполнял какую-то тему у профессора ФИЛИППОВА.

⁸ Выделены эти строки, как и последующие в показаниях свидетелей, авторами.

ГАЙДУКОВ: когда получились снаряды М-8, М-152?*

ГОЛОС: М-13 не было, а первый снаряд, который пошел на вооружение, появился в 1933 году. Это были первые образцы типа 8...

ГАЙДУКОВ: Лангемак на вращающихся настаивал?

АРТЕМЬЕВ: они настаивали потому, что они считались авторами этого дела, по видимому, это служило одним из мотивов, они работали над ним около 3 лет.

ГАЙДУКОВ: кто же в то время (1932 г.) занимался 82-мм снарядами?

ОТВЕТ: ЛАНГЕМАК, ПОЙДА, ШВАРЦ.

ГАЙДУКОВ: какую роль сыграл ЛАНГЕМАК?

ОТВЕТ: ЛАНГЕМАК сыграл большую роль.

ГАЙДУКОВ: он был главным инженером?

ОТВЕТ: да, с 1934 года.

Итак, названы фамилии трех инженеров, вплотную занимавшихся созданием реактивных снарядов. Что касается Федора Николаевича Пойды, то он в дальнейшем или сам устранился от этой темы, или же его другие «отодвинули». По крайней мере, при его допросе (в качестве свидетеля) 26 февраля 1944 года речь шла только о присвоении Костиковым и Аборенковым чужого изобретения. Сам же Пойда к тому времени, судя по протоколу допроса, работал в другом научно-исследовательском институте. Леонид Эмильевич Шварц продолжал работать в НИИ-3 и после ареста И. Т. Клейменова и Г. Э. Лангемака. Хотя в показаниях арестованных, в частности Клейменова, он и назывался участником контрреволюционной группы, но к уголовной ответственности не привлекался. В 1944 году Шварц с группой конструкторов попал в авиакатастрофу и погиб. Участником создания «катюши» в те годы он тоже официально не считался. Точно так же, как и Георгий Эрихович Лангемак, названный первым, и вполне заслуженно, в этой тройке. Он был артиллеристом, можно сказать, профессионалом, имел большой боевой и конструкторский стаж.

Военную службу Г. Э. Лангемак начал в 1916 году восемнадцатилетним юношей. В феврале 1917 года закончил мичманскую школу и более года служил артиллеристом в береговой обороне Финского залива. В 1919 году добровольно вступил в Красную Армию и в течение четырех лет прошел должности — командира батареи, дивизиона, бригады и помощника начальника артиллерии Кронштадтской крепости. Затем, обучаясь в артиллерийской академии, которую успешно закончил, вплотную занялся созданием реактивных снарядов. Вот что об этом сообщил на допросе в мае 1955 года его давний коллега В. П. Глушко:

«Лангемак — это талантливый инженер. Он окончил артиллерийскую академию в Ленинграде и всю свою работу посвятил разработке пороховых реактивных снарядов. Нужно сказать, что в этом направле-

нии он проделал огромную работу. Так, в справке¹⁰ указано, что Лангемак вредил в изготовлении этих снарядов и в этих целях задерживал изготовление реактивных снарядов. Это, конечно, фантазия и нужно понимать так, что в действительности было все наоборот. 82-мм и 132-мм реактивные снаряды разрабатывались Лангемаком вместе с подчиненными ему работниками. Автором этих снарядов являлся, по существу, Лангемак. Так вот, к моменту ареста Лангемака эти снаряды были уже почти готовы. Их можно было сдавать в производство, так как еще сам Лангемак провел испытание их и они показали блестящие результаты. Эти снаряды мы знаем по Отечественной войне, как снаряды «катюша». К моменту ареста Лангемака, может быть, не была еще оформлена документация по конструкции этих снарядов, но основная работа была закончена. Когда началась Отечественная война, то разработки Лангемака подняли, а поскольку не было автора этих снарядов, то новый директор института Костилов, ныне покойный, сдал их в производство. Какое применение эти снаряды нашли в Отечественной войне и какие показали результаты, мы об этом знали из истории Отечественной войны, и, мне кажется, Лангемак за это должен быть помянут хорошим словом. Это его заслуга, что он своим трудом обогатил артиллерийскую науку изобретением таких снарядов, как «катюша».

Сведения В. П. Глушко уместно дополнить выдержкой из хранящегося в материалах документа, который сообщает, что «приказом народного комиссара оборонной промышленности СССР за № 0058 от 27 марта 1937 года Лангемак за лабораторную разработку, теоретическое обоснование и создание ракетных снарядов и бронебойных бомб премирован денежной премией 10 тысяч рублей». Эти строки взяты из определения Военной коллегии Верховного суда СССР от 19 ноября 1955 года.

* * *

Вот такое чрезвычайное происшествие случилось в НИИ-3 более чем 50 лет назад. Долгое время не предававшееся общественной огласке в деталях и на документальной основе, оно породило безнравственные поступки, неверное представление у многих как об инженерах «заговорщиках», так и об их труде. Но на этом мы не ставим точку, поскольку история, приключившаяся в Реактивном институте, имеет продолжение. Есть документы, которые несколько по-иному вещают отдельные детали происшествия, дают им более объективную оценку. Как только представится возможность, редакция опубликует их. Очень надеемся мы и на отклики читателей, осведомленных о неизвестных фактах столь шумевшего дела.

*Полковник юстиции Н. Л. АНИСИМОВ,
капитан 1 ранга В. Г. ОПШОКОВ*

* Так в документе. Правильно М-13 или 132 мм снаряд.

¹⁰ Имеется в виду обзорная справка по делу осужденного и расстрелянного в январе 1938 г. Г. Э. Лангемака, которую В. П. Глушко предоставили для ознакомления.